

В заключение хотелось бы выразить уверенность в том, что если бы монография К. Штайнке была переведена на русский язык, то, думаю, многие специалисты были бы очень признательны тем исследователям и организациям, которые бы такой перевод осуществили и издали.

ЛИТЕРАТУРА

- ДАРЯ I = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР). Карты. В трех выпусках*, вып. 1: *Фонетика*. Москва, 1986.
- ДКРЯ 1915 = Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, in Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н., *Очерк русской диалектологии*. Москва. (Труды московской диалектологической комиссии, вып. 5.)
- Касаткин Л.Л., 1999: *Современная русская и диалектная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва.
- Касаткина Р.Ф. (ред.), 1999: *Русские народные говоры*. Звучащая хрестоматия. Южно-русское наречие. Москва.
- Немченко В.Н., 1963: Русские старожилы Литвы и их говоры, *Kalbotyra*, VII. Vilnius, 63–86.
- Трубинский В.И., 1984: *Очерки русского диалектного синтаксиса*. Ленинград.
- Grek-Pabisowa I. 1999 (1972): O tendencjach rozwoju gwary starowierców rosyjskich w Bulgarii, in Grek-Pabisowa I., *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa, 95–107.
- Grek-Pabisowa I., Jotov C., 1983: Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym, in *Ibid.* 69–79.
- Kuhn W., 1930: *Deutsche Sprachinselforschung, Geschichte, Aufgaben und Verfahren*. Plauen (цит. по рецензируемой монографии).
- Rūķe-Draviņa V., 1965: Die Untersuchungen der russischen Mundarten im Baltikum und ihre Bedeutung für die allgemeine Dialektologie, *Scando-Slavica*, XI. 198–209.
- Steinke K., 1988: Die unbetonten Vokale in den Vortonsilben der russischen Mundart von Tatarica (Bulgarien), *Kirche im Osten*, 31. 69–85.

Валерий Чекмонас

E-mail: cekm@post.omnitel.net

Вильнюс

JÓZEF PORAYSKI-POMSTA (ed.), *Sytuacja językowa na Wileńszczyźnie: Materiały sympozjum "Socjo- i psycholingwistyczne uwarunkowania sytuacji językowej w Wilnie i na Wileńszczyźnie"* (Warszawa, 16–18 października 1997 roku). Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, 1999, 222 s. ISBN 83-7151-266-X.

Симпозиум, материалы которого опубликованы в вышеуказанном томе, был организован при участии двух сотрудничающих университетских центров — варшавского (Института польского языка Варшавского университета) и вильнюсского (Кафедры славянской филологии Вильнюсского университета). Основной задачей, которую ставили перед собой организаторы симпозиума, явилось изучение социо- и психолингвистических особенностей языковой ситуации в Вильнюсском крае (как в синхронном, так и в историческом аспекте). Опубликованные материалы отражают результаты

новейших разысканий польских и литовских ученых, а также приглашенных гостей (Б. Вимер, Германия) в русле обозначенной проблематики.

В сборник вошло восемнадцать статей, предваренных вводным словом *От редактора тома* [с. 7–8] и поделенных — в зависимости от материала и направления исследований — на четыре части: I. *Языковая ситуация в Вильнюсском крае — история и сегодняшний день* [с. 19–72]; II. *Языковая компетенция жителей Вильнюса и Вильнюсского края* [с. 73–134]; III. *Речевое поведение жителей Вильнюса и Вильнюсского края* [с. 135–174]; IV. *Язык на повороте истории* [с. 175–222]. За рамки обозначенной структуры выходит программная статья редактора тома Й. Порайского-Помсты *O potrzebie badań nad sytuacją językową na dawnych kresach polskich (О необходимости исследований языковой ситуации в бывших кресах Польши)* [с. 9–16], в которой автор, исходя из специфики языковой ситуации на “виленьщизне” (“многонациональность, многоязычие, многокультурие”), обосновывает потребность долговременных междисциплинарных — социо-, психо- и этнолингвистических — исследований в данном регионе. По мнению автора, такой подход обусловлен необходимостью описания как языковых, так и “культурных, социальных и психологических процессов, сопутствующих ситуации многоязычия”, поскольку все они находятся в тесном взаимодействии друг с другом [с. 15].

В первый раздел, посвященный истории и современности языковой ситуации в Вильнюсском крае, вошли следующие статьи: *К истории польского языка и национального самосознания жемайтуйской шляхты* И.-Э. Адомавичюте-Чекмонене [с. 19–27]; *O bilingwizmie polsko-litewskim i litewsko-polskim na Dence (czyli na północno-wschodnich obszarach Wileńszczyzny)* В. Чекмонаса [с. 28–39]; *Repertuar wokalny a identyfikacja etniczna i kulturowa ludności polskojęzycznych terenów Litwy* М. Круповес [с. 40–53]; *Sytuacja językowa w Ejszyszkach. Wyniki badań sondażowych prowadzonych na Litwie w 1997 roku* Э. Смулковой [с. 54–63]; *Iš lietuvių kalbos pietrytinių tarmių tyrimo istorijos* А. Виду-гириса [с. 64–70].

Языковая компетенция поляков, проживающих в Литве (в основном — молодежи), анализируется в работах, представленных во втором разделе: *Świadomość językowa młodzieży polskiego pochodzenia w Wilnie (na podstawie badań ankietowych)* М. Давлевича [с. 73–80]; *Z zagadnień sprawności i świadomości językowej. Jak studenci wileńscy odmieniają rzeczowniki?* Х. Карась [с. 81–113]; *Tradycje zaścianka szlacheckiego w języku i mentalności Polaków na Litwie* З. Саваневской-Моховой [с. 114–123]; *Wybór języka w różnicowanych sytuacjach komunikacyjnych a deklarowany związek ze społecznością etniczną. Na podstawie wypowiedzi młodzieży polskiej na Litwie* Х. Соколовской [с. 124–132].

Особенности речевого поведения представителей разных национальностей, проживающих в Литве, рассматриваются в статьях Э. Янус, В. Оршевской: *Honoryfikatywność gramatyczna w polszczyźnie wileńskiej* [с. 135–146]; И. Масойць: *Zmorfologizowane dialektalne zjawiska fonetyczne w mówionej odmianie*

języka polskiego [с. 147–155]; О. Вайчулите-Романчук: *Pastabos dėl Vilniaus miesto slavų lietuvių kalbos* [с. 156–159]; Б. Вимера: *Пуризм или типологическая особенность? О топиализации в литовском “разговорном” языке* [с. 160–171].

Примечательно, что последний, четвертый, раздел публикации, посвященный историко-языковому анализу польскоязычных изданий Литвы, составили статьи исключительно сотрудников Высшей педагогической школы в Быдгоще, активно разрабатывающих данную проблематику в последние годы: *Zmiany w polszczyźnie kowieńskiego tygodnika “Chata Rodzinna”: roczniki 1924–1939* Т. Броницкой [с. 175–186]; *Wpływ przemian polityczno-społecznych na jakość polszczyzny “Kuriera Wileńskiego” (na podstawie roczników 1924 i 1939)* Й. Йоахимяк [с. 187–197]; *Uwagi o podręcznikach dla polskich szkół na Radzieckiej Litwie jako jednym z rozśadników osobliwości językowych* М. Маршалекка [с. 198–213]; *Język na zakręcie historii. Polszczyzna “Prawdy Wileńskiej” 1945–1948* Й. Мендельской [с. 214–222].

Даже беглое знакомство с публикацией обнаруживает, что географически сфера научных интересов авторов далеко не всегда соответствует границам “виленьщизны”, заявленной в самом названии тома в качестве основного региона исследований. Так, И.-Э. Адомавичюте-Чекмонене представляет эволюцию литовско-польского билингвизма шляхетских родов в Жемайтии; Т. Броницка анализирует язык польской прессы 1924–1939 гг. в Каунасе; определенным проблемам функционирования польского или литовского языка вообще в Литве, без конкретизации региона, посвящены работы М. Круповес, И. Масойць, З. Саваневской-Моховой, Б. Вимера. Такое положение вещей представляется вполне понятным и даже обнадеживающим, поскольку отражает ситуацию характерную для последних лет: несмотря на то, что в силу вышеуказанных обстоятельств Вильнюсский край остается по-прежнему чрезвычайно привлекательным для языковедов, формируется явный интерес и к другим регионам Литвы, также сохраняющим определенные следы многоязычия и многокультурия, однако значительно менее исследованным.

Большая часть материалов посвящена изучению польского языка на территории Литвы, функционирование которого анализируется в статическом плане (ч. I, II, III), а также в динамике развития (ч. IV, частично I и II). Работы первого типа обычно направлены на изучение языковой компетенции литовских поляков, а также — их речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях (М. Давлевич, Х. Карась, Х. Соколовска, Э. Янус, В. Оршевска). Особенности функционирования польского языка в условиях билингвизма, а в ряде случаев — даже полилингвизма, исследуются в работах И.-Э. Адомавичюте-Чекмонене, В. Чекмонаса, Э. Смулковой. И. Масойць в качестве объекта изучения выбирает явление морфологизации некоторых черт вокализма северных “крэсов”. Менее традиционные, однако не менее интересные вопросы анализируются в статье М. Круповес, которая устанавливает определенную взаимосвязь между певческим репертуаром и этнической идентификацией населения в польскоязычных районах Литвы.

Статьи, посвященные языку “на повороте истории”, основаны прежде всего на материале польскоязычной прессы, выходившей в Вильнюсе и

Каунасе в межвоенный период (Й. Йоахимьяк, Т. Броницка), а также в послевоенные годы (Й. Мендельска). Выбранные авторами издания оказались очень удачными с точки зрения временной и географической принадлежности, поскольку позволили сделать ряд интересных наблюдений относительно развития польского языка в различных общественно-политических ситуациях: в условиях литуанизации, русификации, а также — независимого функционирования. Другим источником ретроспективных исследований стали учебники для польских школ, изданные в послевоенной Литве. Их анализ позволил автору — М. Маршалеку — прояснить некоторые способы распространения языковых особенностей в речи младших поколений литовских поляков.

Немногочисленные статьи, посвященные вопросам литовского языка, различны с точки зрения тематики и методологии предпринятых в них исследований: А. Видугирис описывает историю изучения юго-восточных литовских говоров; О. Вайчюлите-Романчук анализирует особенности литовской речи славян, отмечая проявления языковой интерференции; Б. Вимер представляет свое видение проблемы топиализации в разговорном литовском языке, отличное от принятого в литуанистической литературе.

По решению организаторов симпозиума в публикации сохранены оригинальные языки выступлений: польский, литовский и русский, что скорее всего не явилось бы преградой (несмотря на опасения редактора) для ученых, специализирующихся в проблематике данного региона, если бы не многочисленные ошибки (по всей видимости, корректурные) в литовском тексте. Вероятно также, недостаточное знание литовского языка не позволило авторам некоторых статей соотнести ряд специфических черт польских говоров на территории Литвы с явно сходными литовскими формами (напр., синкретизм окончаний *Acc* и *Nom sg* у существительных ж.р., деназализация окончаний *Acc sg* у существительных, прилагательных и местоимений ж.р. и др.).

В заключение следует подчеркнуть, что несмотря на высказанные замечания, данная публикация наверняка заслуживает внимания как славистов, так и литуанистов, представляя новые интересные данные относительно территориальной дифференциации польских и литовских говоров, а также проясняя механизмы их взаимодействия с другими языками на территории Литвы.

*Виктория Ушинскепа
Вильнюс*

NIKOLA MIKILOV, Frühslovenische Sprachdenkmäler. Die handschriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. bis 1550). Amsterdam—Atlanta, GA, 1998. 445 S. (Studies in Slavic and General Linguistics, vol. 26.)

Словенский язык, относящийся к южнославянской группе, представляет собой один из мало распространенных языков — число жителей Словении немногим превышает 2 млн., за пределами страны живет около 700 000 словенцев. Его роль в истории славянского языкознания, однако, далеко не пропорциональна его современному положению. Первый известный памятник письменности на славянском языке — Фрейзингские отрывки (середина XI в.),